

ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА И ОБРАЗЫ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ*

Аннотация. В статье рассматривается гендерная картина мира и выявляются образы маскулинности и феминности. Автором также исследуются гендерные различия поведения мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендер, картина мира, маскулинность, феминность.

Как подчеркивает В.В. Ощепкова [Ощепкова В.В. 2004, 5], «при изучении иностранного языка все более осознается необходимость овладения не только языковыми структурами, но и тем, что «лежит за языком»: «фоновыми знаниями», культурой страны или стран изучаемого языка. Особенно остро эта проблема ощущается при подготовке высококвалифицированных специалистов». Именно поэтому мы полагаем, что исследование гендерной картины мира представителей различных лингвокультур представляет большой интерес. В данной статье мы хотели бы рассмотреть гендерную картину мира и образы маскулинности и феминности.

Мы также опираемся на мнение Л.Л. Нелюбина [Нелюбин Л.Л. 2001, 218-219]: «язык – это средство общения людей, оружие формирования и выражения мыслей, чувств, эмоций, средство усвоения и передачи информации».

В последние годы в научный оборот прочно вошло понятие гендерной картины мира (ГКМ). Основными составляющими гендерной картины мира являются маскулинность и феминность. Пол / гендер представляет собой важную категорию для всех обществ: лингвистическая вариативность, коррелирующая с социальным различием, является универсальной особенностью языковых сообществ [Kelly, A. 1975, 17].

«У человека можно отнять едва ли не все, но только не его пол. И даже хирургическая операция смены пола есть лишь утверждение в собственном поле» [Хамитов Н. 2002, 141-142]. Основанием для разделения факторов маскулинности и феминности служит наличие в обществе двух биологически и социально нетождественных полов: мужского и женского.

Различие полов задано, прежде всего, естественным процессом природной и социальной эволюции, закрепившей за ними определенные

и целесообразные функции. Исторически сложившееся разделение мужских и женских ролей является чрезвычайно глубоким фактором, который детерминирует важнейшие черты и образы двух полов.

По мнению С. Бем [Бем 1981, 354], общепринятые стереотипы говорят о существовании сильных половых различий в эмпатии и эмоциональности, но результаты исследований не дают этому весомого подтверждения. Данные, полученные путем самооценки, указывают на более сильные половые различия, чем замеры физиологических показателей.

Это обстоятельство наводит на мысль, что мужчины не хотят, чтобы их видели эмпатичными, поскольку это качество не соотносится с мужской гендерной ролью. Путем исследований, проведенных С. Бем [Бем 1981, 355], доказано, что сам факт выражения эмоции человеком и способ, которым он это делает, зависят от гендерных норм.

Рассматривая маскулинность как историю, И.С. Кон [Кон 2001, 562] отмечает, что «кризис маскулинности» связан с изменением социальных условий. Следовательно, причины перемен нужно искать не столько в индивидуальной психологии, сколько в социально-экономических процессах и отношениях.

И.С. Кон [Кон И.С. 2001, там же] считает, что необходимо выделить:

- более или менее объективные и поддающиеся измерению социально-структурные сдвиги;
- их преломление в культуре и массовом сознании, прежде всего, в стереотипах и нормах маскулинности;
- связанные с этим индивидуально-психологические различия.

Некоторые из этих сдвигов являются долгосрочными и глобальными, характерными, в большей или меньшей степени, для всех индустриально развитых и развивающихся стран. Далее И.С. Кон [Кон 2001, 564] отмечает, что:

1. В сфере производственных отношений происходит постепенное и ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-

* © Белая Н.В.

производственных функций, ролей, занятий и сфер деятельности. Ведущей, динамической силой этого процесса являются женщины, которые быстро осваивают мужские профессии, сравниваются с мужчинами по уровню образования и т.д.

2. В политической сфере параллельно этому, хотя с некоторым отставанием, меняются гендерные отношения власти. Мужчины постепенно утрачивают былую монополию на публичную власть.

3. Далее эволюционируют брачно-семейные отношения. Общая психологизация супружеских и родительских отношений, с акцентом на взаимопонимание, практически несовместима с жесткой дихотомизацией мужского и женского. Как и в других сферах жизни, эти перемены затрагивают больше женщин, чем мужчин, однако нормативные представления и психология последних также перестраиваются, особенно среди более молодых, образованных и мужчин, живущих в городах.

Существует давнее представление, что женщины весьма болтливы. Культурный миф о женской болтливости зафиксирован в песне, созданной еще в XV век, где воспеваются многочисленные достоинства женщин [J. Davies 1999, 47]. Однако в припеве этой песни опровергаются утверждения, что женщина достойна похвалы:

Of all creatures women be best

Cuius contrarium verum est

(Of which the opposite is true)

Из всех творений женщины – самое лучшее,

Но правда в обратном.

Антрополог Николь Клод Мэтью [Nicole-Claude Mathieu 1989, 345] выдвинула предположение, что существуют три основные парадигмы для концептуализации половых / гендерных отношений. В большинстве случаев эти парадигмы действуют как имплицитные фоновые допущения. Первая парадигма, которая называется гомологией, утверждает, что гендер представляет собой социальное опосредованное выражение биологической данности – пола.

Вторая парадигма называется аналогией, в соответствии с которой гендер – это пол. Третья парадигма Мэтью – гетерогенность: пол и гендер в сущности различны. «Нам не следует считать само собой разумеющимся, что мир «естественно» делится на две группы – «женщин» и «мужчин», но надо понимать это деление как нечто создаваемое исторически с целью сохранить власть одной группы над другой. В этой парадигме гендер конструирует пол, а не наоборот» [Nicole-

Claude Mathieu 1989, 345].

Феминность представляет собой воплощение женственности, на уровне явления она сочетается также с теми или иными мужскими чертами поведения. На уровне многообразного человеческого бытия маскулинность, будучи по своей социальной сути воплощенной мужественностью, вместе с тем может включать в себя также некоторые противоположные черты.

В связи со сказанным интересно привести наблюдения, которые делает И.С. Кон в своем исследовании, на которое мы ссылались выше [Кон 2001, 167-178]. Ученый полагает, что, прежде всего, нужно отдавать себе отчет в том, что главным субъектом и носителем социальных изменений, ломающих привычный гендерный порядок, являются не мужчины, а женщины, социальное положение, деятельность и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее и радикальнее, чем мужская психика.

«Хотя систематических кросс-культурных исследований такого рода я не знаю, похоже на то, что и женские самоописания, и женские образы маскулинности изменились за последние десятилетия больше, чем мужские. Дело не в ригидности, жесткости мужского сознания, а в том, что класс, который теряет господство, не торопится сдавать свои позиции и делает это только под нажимом, в силу необходимости» [Кон 2001, там же].

Таким образом, язык является одним из средств, при помощи которого люди позиционируют себя в социальном пространстве. В области изучения половых различий и языка исследователям предстоит еще многое сделать. Половая дифференциация в языке не существует в вакууме: она взаимодействует с другими видами социальной дифференциации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. – Ч.1. Уч. Пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков, СПб., 2001 (а). – С.562-605.
2. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: социально-психологический анализ. – М.: Феникс (Дубна), 2001(б). – 208 с.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь: Учебное пособие. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2001. – 282 с.
4. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М. / СПб.: ГЛОССА / КАРО, 2004. – 336 с.
5. Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к

- метаантропологии. – Киев, Москва, 2002. – 318 с.
6. Bem S. Gender schema theory// Psychological Review, 1981. – N.8. – Pp. 354-364.
7. Davies J. Expressions of Gender. - Sheffield, 1999. – 387 p.
8. Kelly A. The construction of masculine science: British Journal of the Sociology of Education, 1975. – Pp. 12 – 21.
9. Mathieu N.-C. Social network and linguistic focusing. – London: Edward Arnold, 1989. – 543 p.

N. Belaya
GENDER WORLDVIEW AND REFLEXION OF MASCULINITY AND FEMINITY

Abstract. The article covers the questions of gender worldview and reflexion of masculinity and femininity. The author also points out the difference of male and female behavior.

Key words: gender, worldview, masculinity, femininity.

УДК 81-13

Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Аннотация. В работе анализируется вопрос о методах лингвистических исследований, существующих в современном языкознании. Предлагаются новые методы и приемы: реверсивный метод, матричный подход.

Ключевые слова: метод, методика, способ, методология, реверсивный метод, матричный подход, структурный подход.

Одной из постоянных проблем в области языкознания является совершенствование методов лингвистических исследований. Несмотря на то, что в большинстве учебников по языкознанию эта проблема затрагивается, объектом особого внимания методология лингвистических исследований стала сравнительно недавно: только с 1990-х годов стали появляться первые пособия по методам лингвистических исследований (см., напр., Арнольд 1991, Иванова 1995, Токарева 2004).

Как свидетельствуют многие исследователи, одной из проблем лингвистической методологии является неупорядоченность основных используемых понятий. В энциклопедии «Кругосвет» отмечается, что лингвистические методы не представляют собой единого набора принципов и способов исследования и описания языковых сущностей. Скорее, это некоторое «меню» взаимодополняющих и/или взаимоисключающих методов, используемых в различных комбинациях и в различных пропорциях в частных лингвистиках и в конкретных лингвистических исследованиях. Более того, этот набор не является постоянным. Непрерывно происходит его обогащение, изменяется также отношение к тем

или иным методам: в различные исторические периоды и в различных научных школах один и тот же метод может быть доминирующим в лингвистической практике или же, напротив, научно дискредитированным.

По мнению А.Т. Хроленко, «наличие значительного количества исследовательских методов требует, во-первых, уточнения самого понятия «метод языкознания», и, во-вторых, ставит вопрос об их классификации. Оба эти вопроса тесно связаны друг с другом и до сих пор не решены современной лингвистикой. Отмечалось, что термин *метод* является многозначным: им обозначается аспект исследования, методика, приемы, способы описания и т.д. Естественно, что при таком недифференцированном подходе к определению методов трудно создать сколько-нибудь научную классификацию лингвистических методов. Именно поэтому даже лучшие работы по методологии языкознания ограничиваются описанием более или менее бесспорных методов и располагают их в одном ряду без указания на классификационную иерархию. Думается, что любая попытка уточнить термин *метод* и представить непротиворечивую классификацию полезна для языкознания, поскольку в эмпирических науках, к коим относится и наука о языке, классифицирование – это способ получения новых знаний о взаимоотношении изучаемых явлений и объектов» [Хроленко 1999, 205].

Эффективность исследований в значительной мере определяется степенью разработанности методов исследований. По справедливому утверждению автора одного из немногих отечественных пособий по методологии лингвистических исследований И.И. Токаревой, «определение

* © Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.